

Чжоу Чэнцзу был женат, но это не означало, что он не мог убивать. Он мог говорить, что ему нужно задержаться на работе, чтобы найти время для слежки за своей жертвой, или мог выходить ночью, пока жена спала, чтобы совершить убийство. Стоит помнить, что ФБР проводило расследования среди семей серийных убийц, и 82 % жен не знали, что их мужья — хладнокровные убийцы. Таким образом, брак не может быть ключевым фактором в определении, является ли человек серийным убийцей.

А что насчет Лю Цзяцзе? Его занятость на работе могла быть его лучшим алиби, но Бай Хаолинь не мог понять, почему он, получая хорошую зарплату в больнице ТМХ, решил устроиться на подработку в полицейское управление. Если он руководствовался благородными целями, такими как самореализация или служение стране, почему он чувствовал себя некомфортно на работе?

Проверить рабочий график Лю Цзяцзе было проще, чем изучить семейную ситуацию Чжоу Чэнцзу. Бай Хаолинь позвонил в отдел кадров больницы ТМХ и под предлогом расследования попросил предоставить расписание работы каждого врача хирургического отделения за последний месяц.

Больница ТМХ оперативно отреагировала, и уже через пятнадцать минут расписание было отправлено по факсу в кабинет Бай Хаолиня. Однако, просмотрев его трижды, он не нашел имени Лю Цзяцзе.

Может, его случайно пропустили?

Бай Хаолинь снова связался с отделом кадров и узнал, что полгода назад Лю Цзяцзе был уволен из больницы из-за медицинской ошибки. Посмотрев на список сотрудников полицейского управления, он обнаружил, что Лю Цзяцзе устроился туда три месяца назад. Бай Хаолинь понял, почему у него в управлении было два костюма и почему он вел себя так высокомерно. Под маской уверенности он скрывал страх потерять работу и боязнь, что коллеги узнают о его увольнении.

Бай Хаолинь не интересовался психологией Лю Цзяцзе, он лишь понимал, что это делало его серьезным подозреваемым.

После обеда И Юньчжао привел мать садовника в полицейское управление.

Как и в прошлый раз, Бай Хаолинь наблюдал за происходящим из-за одностороннего стекла.

Мать садовника была худощавой шестидесятилетней женщиной, выглядевшей довольно бодро. Войдя в комнату для допросов и не увидев сына, она громко закричала:

— Где мой сын? Что вы с ним сделали? Немедленно отпустите его!

— Вы скоро увидите своего сына, но сначала нам нужно, чтобы вы повторили то, что уже сказали. Каждое ваше слово будет зафиксировано, — сказал И Юньчжао, открывая блокнот.

— Нечего говорить, это я убила Сююнь, я задушила ее! Это никак не связано с моим сыном! — громко заявила старушка, не проявляя ни капли раскаяния.

— Как вы одна могли перенести тело дочери в парк? — спросил И Юньчжао.

— Не недооценивайте меня! В шесть лет я уже пасла коров, в девять рубила дрова и готовила еду, в одиннадцать выполняла всю работу по дому! На следующий день после родов я уже была на ногах! Я сильнее, чем вы, молодые! — глаза старушки сверкали гневом.

— Почему вы убили свою дочь?

— Эта дармоедка с детства только и делала, что тратила наши деньги на лекарства. Недавно у нее обнаружили чахотку, и на лечение нужно было много денег. У нас хватало только на то, чтобы женить сына. Неужели мы должны были позволить нашему роду прерваться? Эта дармоедка! — старушка Чжан ругалась. — Ее жизнь я дала, я и забрала!

Бай Хаолинь, стоя за стеклом, понял, что старушка Чжан не лгала. Она говорила уверенно, без тени страха или раскаяния. Упомянув дочь, она проявляла крайнее презрение и гнев. Это было не то, что могла бы симулировать необразованная старушка. Однако Бай Хаолинь не верил, что она одна справилась с телом, так как, когда И Юньчжао задал вопрос, она намеренно добавила много деталей, чтобы укрепить свою ложь.

Дело было простым: старушка Чжан — убийца, сын — соучастник, дочь — жертва. Причиной смерти стало глубоко укоренившееся предпочтение сыновей над дочерьми. Это было отвратительно, но и трагично.

Старушка Чжан была прямолинейна, и как только она подпишет признание, дело можно было закрыть. Но когда Бай Хаолинь уже собирался уйти, дверь комнаты для допросов резко открыл мужчина в костюме с черным портфелем:

— Без присутствия адвоката все, что сказал мой клиент, не может быть использовано в суде! — мужчине было около тридцати-сорока лет, он выглядел интеллигентно, но в его голосе чувствовалась властность, не допускающая возражений.

Бай Хаолинь все больше узнавал его лицо, и, наконец, вспомнил, что это Гэ Вэйхуа, адвокат, которого он однажды видел у игорного зала Хун Сы.

Но как бедная старушка могла позволить себе адвоката? Или как женщина, которая сразу призналась в убийстве своей дочери, могла иметь такое понимание закона? Тем более, гонорар Гэ Вэйхуа был ей не по карману.

Пока Бай Хаолинь размышлял, его мысли прервал мягкий голос:

— Здравствуйте.

Бай Хаолинь сразу узнал Лу Ямин, вторую дочь из семьи Лу, владеющей сетью ресторанов, с которой он однажды уже встречался. Он кивнул ей:

— Здравствуйте.

В отличие от прошлой встречи, сейчас Лу Ямин была в форме студентки университетского отделения академии ТМХ: клетчатая рубашка красно-черного цвета с черным галстуком и юбкой в том же стиле до колен.

— Оказывается, вы полицейский, — на лице Лу Ямин появилась милая улыбка.

— Не ожидал встретить вас здесь. Что привело вас в полицейское управление? — удивился Бай Хаолинь.

— Это моя няня, у нее случились неприятности, и я попросила адвоката защищать ее, — Лу Ямин посмотрела на старушку Чжан.

Это объясняло, почему Гэ Вэйхуа здесь оказался. Он уже начал атаковать И Юньчжао:

— Вы пытались заставить моего клиента признаться с помощью наводящих вопросов, эти показания нельзя использовать в суде! Любой прокурор с минимальным опытом отклонит их, потому что знает, что дело проиграно!

— Я не задавал наводящих вопросов, она сама призналась! — возмутился И Юньчжао.

— Тогда я скажу так: эти показания не будут приняты, а значит, вам нужно предоставить доказательства, что мой клиент — убийца. У вас они есть?

И Юньчжао запнулся. Кроме признания старушки Чжан, у полиции не было никаких доказательств, что она убила свою дочь Сююнь.

— Если их нет, то вы не имеете права задерживать моего клиента! — Гэ Вэйхуа с торжествующей улыбкой сказал старушке Чжан:

— Я оформлю документы, подождите меня. Не говорите ни слова полиции, пока я не вернусь.

— Но моего сына все еще держат, — старушка Чжан схватила Гэ Вэйхуа за руку, умоляя:

— Пожалуйста, вызволи и его.

— У вас есть доказательства, что ее сын связан с преступлением? — снова спросил Гэ Вэйхуа И Юньчжао.

— Мы подтвердили, что он выбросил тело, — раздраженно ответил И Юньчжао.

— О? — Гэ Вэйхуа поднял бровь. — Где было найдено тело?

— В парке.

— Парк большой, людей много, как вы можете утверждать, что это сделал он?

— Мы обнаружили, что следы от его тачки совпадают с отпечатками на месте преступления! — громко заявил И Юньчжао.

— Кем работает ваш сын? — спросил Гэ Вэйхуа старушку Чжан.

— Садовником, работает в парке, — поспешно ответила старушка Чжан.

— Вот и объяснение, садовников в парке много, тачек тоже. Как вы можете утверждать, что именно его тачка оставила следы? И разве садовники не работают в парке? Почему следы от тачки должны быть чем-то необычным? Вы можете доказать, что эти следы были оставлены именно во время преступления? Вы можете доказать, что это была именно его тачка?

И Юньчжао не нашелся, что ответить.

— Вы задержали моего клиента и ее сына без доказательств, вам повезло, что я не подал на вас в суд! — Гэ Вэйхуа бросил это и вышел вместе со старушкой Чжан.

— Тетя Чжан, — Лу Ямин подошла к старушке Чжан, когда та вышла.

<http://bllate.org/book/15284/1358894>